

ских архаичных названиях рек с суффиксом *-*ni*¹. Это соответствие между топонимикой Центральной и Южной Европы позволяет очертить древнюю область распространения индоевропейских диалектов.

Решение вопросов, относящихся к истории носителей «догреческого» языка, в настоящее время затруднено ввиду скудности фактических данных. Этим, повидимому, объясняется крайне гипотетический характер второй части книги В. Мерлингена, отличающий ее от строго обоснованного изложения первой части. Но если исторические выводы автора остаются недоказанными, то как сводка важнейших лингвистических данных о догреческом языке книга В. Мерлингена является весьма полезной. Оригинальные труды В. Мерлингена по фонетике и этимологии «догреческого» языка, как и недавно опубликованные работы Ван Виаденкенса, свидетельствуют о быстром развитии этой новой области индоевропейской языковедения.

Влч. Вс. Иванов

Л. Н. Харитонов. Типы глагольной основы в якутском языке. — М. — Л., 1954. 312 стр. (Якутский филиал АН СССР.)

Вышедшая недавно в свет книга Л. Н. Харитонova «Типы глагольной основы в якутском языке» рассматривает строение и состав глагольных основ в якутском языке.

Нет нужды говорить здесь о значении и актуальности данной темы. Это должно стать достаточно ясным, если учесть, что подобными исследованиями никто еще не занимался на материале якутского языка.

В результате огромной изыскательной работы (главным образом по словарю Э. К. Пекарского) автор впервые наиболее полно описал состав и строение основных типов глагольных основ в якутском языке, а также определил удельный вес этих основ в словарном составе якутского глагола.

При этом автор обратил внимание главным образом на те явления, освещение которых вскрывает специфику якутского языка и определяет его отличие к другим языкам тюркской группы. Например, система звукоподражательных и образных глагольных основ, которые благодаря своей многочисленности составляют наиболее своеобразную черту словарного состава якутского глагола, описана автором с наибольшей полнотой и тщательностью; так же полно освещен вопрос об образованиях на *-аа* за счет заимствований и т. д.

Автор не ограничился изучением материала только по якутскому глаголу. В исследовании привлекается значительный сравнительный материал из других тюркских языков, что позволяет автору глубже проникнуть в структуру целого ряда корней, а главное — установить тюркское происхождение большинства глагольных корней, принадлежащих основному словарному фонду, и тем самым подтвердить несостоятельность мнения отдельных тюркологов (акад. В. В. Радлов и др.), согласно которому в основе якутского языка усматривался тюркский субстрат.

В работе Л. Н. Харитонova получает новое освещение ряд вопросов, исследованных ранее. Так, вслед за В. В. Радловым и французским тюркологом Ж. Дени Л. Н. Харитонов приходит к выводу, что двусложные и многосложные корни в тюркских языках представляют собой результат осложнения односложных, что они могут быть квалифицированы как таковые только в плане синхронии, в плане же диахронии — это изолированные от системы семантически, но примыкающие к ней этимологически производные основы, нередко довольно легко поддающиеся этимологическому анализу. Правда, эта проблема и здесь полного освещения не получила, но она, благодаря данной работе Л. Н. Харитонova, приобрела весьма значительную базу для дальнейшего ее изучения.

Значительно продвинуты в работе вопросы, связанные с происхождением и развитием форм залогов в тюркских языках. Наблюдения автора на этот счет, в частности относительно формы повелительного залога (на *-р*), взаимного залога (на *-ыс*) и т.п., могут послужить предосновой для постановки и соответствующего разрешения указанной проблемы.

Вопреки утверждениям сторонников так называемого «нового учения» о языке, автор совершенно справедливо трактует глагол и имя в якутском языке как дифференцированные категории. Несмотря на отсутствие четких границ в части звуковой структуры, глагол и имя в якутском, как и во всех тюркских языках, представляют собой вполне самостоятельные категории, различающиеся не только лексико-семантически (назначение глагольной и им.ной основы) и лексико-грамматически, но и характеризирующиеся соответствующими специфическими грамматическими категориями. Поэтому возможность взаимной трансформации без соответствующего

¹ См. об этих названиях рек Н. Крахе, *Sprachverwandschaft im alten Europa*, Heidelberg, 1951, стр. 17—19.

оформления и здесь исключена, если не считать единичных случаев метафоризации и субстантивизации соответствующих глагольных форм.

Автор по-новому определяет семантику ряда словообразовательных аффиксов. Так, говоря о семантике аффиксов *-лаа*, он совершенно справедливо заключает, что аффикс *-лаа* сам по себе никакого лексического значения не имеет и не привносит агглютинируемой с ним основе, что его роль сводится к обозначению категории глагольности. Однако автор не придерживается этого положения в последующем изложении: вслед за некоторыми тюркологами он приписывает данному аффиксу то или иное лексическое содержание; например: значение «привзводить тот предмет, который обозначен именной основой»; «привзводить действие тем предметом, который обозначается именем» и т. п. На самом деле в семантике основы с данным аффиксом значение последнего не переходит лексико-грамматических границ, хотя лексико-семантическое содержание данной производной основы и определяется лишь в меру взаимодействия именной основы с данным аффиксом (именная основа, взятая в отдельности, покрывает собой лишь какой-либо отдельный, часто даже несущественный признак реализуемого понятия и действия и только в сочетании с аффиксом *-лаа* приобретает способность обозначать последнее).

Очень ценны наблюдения автора относительно фонологической роли долгот гласных. Они могут пролить свет на остающийся до сих пор нерешенным вопрос о внутренней флексии в древнетюркском, если, конечно, долготы в данном случае не представляют собой результаты взаимодействия якутского с окружающими иноязычными говорами. Очень желательно, чтобы Л. Н. Харитонов в дальнейшем продолжил и углубил изучение данного вопроса в сравнительном плане, с одной стороны, с тунгусскими говорами, с другой, — с теми тюркскими языками, в которых представлены долготы, в частности с туркменским и чувашским, где, как и в якутском, вопреки утверждениям О. Н. Бётлингера, В. В. Радлова и др., долгота в известных случаях может быть исконной. Весьма ценны также наблюдения автора относительно фонетической структуры глагольных основ и многое другое.

Параду с перечисленными достоинствами, в книге Л. Н. Харитонova имеется ряд недостатков, наиболее значительными из которых можно считать следующие.

В рецензируемой книге совершенно не рассмотрены сложные глагольные лексемы. Автор сознательно обходит этот наиболее распространенный во всех тюркских языках структурный тип глагольных основ, хотя тема «Гипы глагольной основы» и обязывает охватить все структурные типы глагольных основ. Дело в том, что Л. Н. Харитонов вообще не признает сложных глагольных лексем ни отыменного, ни внутривглагольного происхождения. Исходя из того, что сочетание именной основы со вспомогательным глаголом базируется на грамматических признаках свободного словосочетания, он усматривает в сложных глагольных лексемах типа «именная основа плюс вспомогательный глагол» грамматические отношения самостоятельных членов предложения и совершенно отрицает принадлежность их к системе глагольных основ, а сложные глагольные лексемы внутривглагольного происхождения (сочетание основного глагола в форме деприватива с соответствующим спрягаемым служебным глаголом) относит, по видимому, к системе словоизменения, в силу чего и этот тип глагольных основ обойден в рецензируемой книге. Между тем всякий, кто не скован предвзятой точкой зрения, ныне уже не сомневается в ошибочности подобного толкования указанных образований.

Компоненты сложной глагольной лексемы как отыменного, так и внутривглагольного происхождения лишены грамматических отношений самостоятельных членов предложения; здесь грамматическое объединение компонентов, хотя оно и произведено на основе грамматических признаков, выражающих в иных случаях грамматические отношения самостоятельных членов предложения, обусловливает возникновение новой, относительно самостоятельной лексической единицы, т. е. указанные грамматические признаки в данном случае имеют словообразовательное назначение: обозначаемое данными образованиями понятие вытекает вовсе не из структуры компонентов в отдельности и не из суммы значения последних, а из структуры самого словосочетания, частично или полностью растворяющей значение отдельных компонентов (это особенно относится ко второму компоненту — служебному глаголу). В силу этого данные образования обладают лексической и композиционной цельностью. Они нечленимы, существуют только как неделимое целое, равное слову, и выступают во всех позициях, в каких только может выступать глагольное слово. Соответственно смысловым отношениям и в зависимости от степени спайки компонентов как с точки зрения грамматической, так и семантической в якутском языке различают несколько структурно-семантических типов сложных глагольных лексем, которые должны были бы найти соответствующее место и освещение в рецензируемой книге Л. Н. Харитонova.

Отрицание сложной глагольной лексемы привело Л. Н. Харитонova к тому, что он в сложных глагольных лексемах типа «звукоподражательный звуковой комплекс плюс служебный глагол *ымн* или *дис*» в первом компоненте лексемы, не имеющем самостоятельного употребления и сколько-нибудь устойчивого звукового состава и вообще

не обладающем признаками слова, усматривает самостоятельное слово и ставит его в один ряд со структурными типами глагольной основы, т. е. чуть ли не трактует его, как особый структурный тип глагольной основы (см. раздел, в котором рассматриваются звукоподражательные «корни», выступающие как самостоятельное слово», стр. 153 и др.).

Ошибочным нужно считать также выделение звукоподражательных и образных глагольных основ как структурных типов глагольных основ, так как ни морфология, ни лексико-семантические качества звукоподражательных и образных основ не дают на это основания. Д. Н. Харитонов считает, что лексико-семантическим содержанием и отличительным признаком звукоподражательных и образных глагольных основ является подражание звуковым явлениям, и на этом основании противопоставляет их остальным глаголам, которые у него получили название «глаголы действия или состояния». Между тем ни звукоподражательным, ни образным основам нельзя отказать в способности обозначить самое обычное действие или состояние (ср. якут. *аҕаала-«заныхаться», марылаа-«реветь», сииэр-«поддакивать», айдаар-«шуметь», уһуур-«свистеть», бытай-«высовываться», чуһуруй-«пятнаться, отступать», айгыраа-«распаштаться» и т. д.). Таким образом, с этой стороны подобное противопоставление не оправдывается. Оно несостоятельно также и с точки зрения строения, равно как и по способу связи слова со значением.*

Известно, что создание нового слова с совершенно самостоятельным, ни с одним из слов не связанным значением, и в то же время с новым, не имеющим precedентов строением, невозможно. Для возникновения нового слова необходимо, чтобы оно обладало значением, которое имеет с данным звуковым комплексом необходимую связь, однородную как для тех, от кого исходит производство нового слова, так и для тех, кто воспринимает его. Ибо, во-первых, закономерность связи данного слова с данным значением обусловлена не только тем, что оно произведено по определенному образцу, или модели, но и характером самого «строительного материала». Во-вторых, образец или модель словообразования, как правило, вырабатывается на базе строения определенного слова данного языка или данной группы языков.

В этом отношении звукоподражательные и образные основы исключения не составляют. И они производятся по определенным моделям, которые по строению представляют собой сочетание свойственного данному языку или данной группе языков звукоподражательного или образноподражательного комплекса с определенным словообразовательным аффиксом или с грамматикализованным служебным глаголом, причем форманты звукоподражательных и образных основ являются, как правило, общими и для других глагольных основ. Обозначаемое посредством звукоподражательных и образных слов понятие раскрывается по существу так же, как и при остальных производных словах, т. е. ровное понятие подводится под более общее понятие при посредстве соответствующего аффикса или служебного глагола, с другой стороны — конкретизируется при посредстве звукоподражательного или образноподражательного комплекса. Таким образом, и с данной точки зрения нельзя считать правомерным выделение звукоподражательных и образноподражательных глагольных основ как особый структурно-семантический тип глагольной основы.

Классификация глагольных основ внутри выдвинутых автором трех основных структурно-семантических типов (глаголы действия-состояния, звукоподражательные глаголы, образные глаголы) произведена по общности смысловых, логических понятий, а не по общности соответствующих лингвистических признаков обозначающих их звуковых комплексов, как это нужно было бы ожидать в работе, которая основной своей целью ставит установление структурно-семантических типов глагольных основ. Глагольные основы распределены на такие рубрики, как «глаголы, обозначающие психические явления», «глаголы, обозначающие движение и положение относительно пространства», «глаголы, выражающие движение и конкретные действия» и т. п. Нужно заметить, что было бы праздным делом пытаться исчерпать все виды действия с данной точки зрения, ибо это, по существу, означало бы попытку произвести полную классификацию явлений мира, что во всяком случае в компетенцию лингвиста не входит.

В книге довольно часто попадаются необдуманные формулировки. Например, на стр. 25 автор утверждает, что в образных глаголах глагольное понятие выражается «через посредство чувственных представлений или образов». Как показано выше, и так называемый образный глагол представляет собой не простое, не непосредственное, не цельное отражение глагольного понятия, а процесс ряда абстракций.

Книга оставляет желать лучшего с точки зрения теоретического обобщения всего того, что сделано по данному вопросу самим автором и его предшественниками, в особенности, в части, касающейся семантической системы якутского глагола.

Несмотря на указанные недостатки, книга Д. Н. Харитонова, благодаря обилью фактических материалов и ряду весьма ценных для якутского языкознания наблюдений, послужит значительной базой для разработки вопросов теории и истории якутского глагола.

А. А. Юдашев